

Сборник материалов
по итогам работы научно-практической конференции
"Левитановские чтения. К 120-летию приезда
И. И. Левитана в Плѣс"

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ПЛЁССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

Сборник материалов

по итогам работы
научно-практической конференции

*“Левитановские чтения.
К 120-летию приезда И. И. Левитана в Плёс”*

ИД «РЕФЕРЕНТ»
Плёс, 2009

За долгие месяцы пребывания в Плесе Исаак Ильич Левитан и Софья Петровна Кувшинникова нашли себе много новых друзей. Наиболее тесные отношения установились с семьей Ивана Федоровича Фомичева. Об этом мы знаем, в частности, из семейных воспоминаний, в том числе из рассказов Александры Ивановны Лебедевой, урожденной Фомичевой, бывшей во время знакомства ее родителей с Левитаном и Кувшинниковой маленькой девочкой, своей дочери Галине.

Иван Федорович Фомичев – сын плесского купца Федора Афанасьевича Фомичева, занимавшегося торговлей лесом и ростовщичеством. По воспоминаниям его правнучки Галины Евгеньевны Лебедевой, Федор Афанасьевич Фомичев охотно давал деньги в долг проигравшимся картежникам, прокутившимся купцам, а потом «по векселям стал по суду забирать частную собственность. Таким образом, он стал в самое короткое время самым богатым человеком в Плесе»¹.

К моменту появления в Плесе И.И. Левитана и С.П. Кувшинниковой в 1888 году Федор Афанасьевич владел деревянным с антресолями на каменном этаже домом на Никольской улице (ныне Кропоткина, д. 11), построенном на основании разрешения, выданного его матери, плесской купеческой вдове Авдотье Ивановне Фомичевой в январе 1857 года². Братья Федора Афанасьевича, тоже строившие этот дом, умерли от чумы или холеры, и он остался после смерти матери его единственным владельцем³. Как рассказывала Галине Евгеньевне ее мама, «он женился, родилась дочь у него, и через какое-то время появилась в доме молодая симпатичная экономка. Жена болела, все больше лежала. Жена стала замечать, что между ним и экономкой любовь начинается. Она стала экономке выговаривать, что ты такая-сякая, а я здесь все-таки жена. А экономка ей ответила: «Я здесь такая же хозяйка, что и ты!» Об этом есть как раз повесть у Николая Павловича Смирнова, называется «В одной берлоге», вот об этом случае. И вскорости жена умирает, и он, Федор Афанасьевич, женится на этой экономке⁴. Дочь он еще до этого выдал замуж за Аверина. А сын-то уже был взрослый, и сына решает женить. А ведь раньше как женили? По сватовству. И решили женить на приемной дочери фабриканта Разоренова, это фабрикант вичугской фабрики. Заслали сватов, все согласовали и играли свадьбу. Играли свадьбу, по-моему, и там, и тут, и в Вичуге играли, и здесь играли. Об этой девушке, моей бабушке, значит, было несколько версий. Кто говорил, что она была подкинута этому фабриканту, кто говорил, что просто он ее где-то подобрал... Сыграли свадьбу, приданое было богатое очень. Когда она стала девушкой, Надежда Никандровна, он купил ей, выписал, фортепьяно, рояль. Очень хорошую. Она до сих пор цела, сейчас купил ее у меня один богач, у него она стоит.⁵ Она очень хорошо играла на рояли. Он ее растил как свою дочь, отправил учиться в Москву, в Институт благородных девиц Чертовой. Она окончила этот институт.

Там преподавали тоже музыку. Играла на фортепиано. И, очевидно, вот это фортепиано, которое я сейчас продала, было его подарком свадебным, и оно, значит, потом путешествовало с нашей семьей. Где мы жили, там и оно было, и в Приволжске, и в Плесе... Но бабушка играла очень хорошо, она играла с листа, у нее было много нот, и любила играть. У них родились две дочки – Маша и Саша, моя мать.

А у отца в это время, как раз у Федора Афанасьевича, родились тоже дочки: старшая Аня и Лиза. И вот эти две семьи жили, значит: сын со своей семьей жил на втором этаже нового дома..., а старший – отец – жил на первом этаже со своей прислугой, со своими детьми. Помещений, конечно, было очень много, но девочки были с разницей в рождении один год, как раз на год моложе у сына, а на год старше – у отца, и они дружили все время вместе. У дедушки бывали дела в Нижнем Новгороде во время ярмарки, то он так говорит: «Ну-ка, матушки, собираемся, поехали все на ярмарку!» Ехали все четыре девочки с прислугами, ехали на ярмарку гулять в Нижний Новгород. Подарки делали и тем, и другим одинаковые. Он их не различал, они росли вместе, только одни на втором этаже, а на первом этаже – другие. Была там конюшня... Федор Афанасьевич был старостой Варваринской церкви. И такое было принято, хотя Варваринская церковь рядом, но они всей семьей ехали на лошадях до церкви. Обрат-но возвращались пешком»⁶.

Александра Ивановна, дочь Ивана Федоровича и Надежды Никандровны Фомичевых, рассказывала своей дочери Галине о том, как познакомились ее родители с Кувшинниковой и Левитаном. С ее слов Галина Евгеньевна вспоминает: «Внизу, как раз у входной двери, было очень большое крыльцо вроде террасы. И всегда летом они играли вот на этой террасе. И в куклы играли, и в различные игры, но всегда играли тут. Собирались все четыре девочки и играли. И вот однажды мимо шла женщина... А как раз приехал Левитан с Софьей Петровной Кувшинниковой. И они сняли себе жилье в нескольких домах вниз по улице на берегу Волги у Солодовникова. Я не знаю, была ли у Солодовниковых рояль. По-моему, не было все-таки, а может, и была, спорить не буду. И эта женщина была Софья Петровна Кувшинникова. Она шла, просто в первый день приезда она решила прогуляться по этой улице. И она заметила вот этих девчонок, игравших на громадном крыльце в интересную игру. А называлась игра «лодыжки». Она состояла в том, что были окрашенные в два цвета – в белый, в желтоватый цвет, и в малиновый цвет – лодыжки маленьких барашков, овец, косточки, нижние косточки, и нужно было из круга выбивать щелчком вот эти лодыжки. Кто больше выбьет. Причем определенного цвета: одна партия только малиновые выбивала, а вторая – только желтые. И кто больше выбьет, тот был победителем. Она заинтересовалась этой игрой, стала наблюдать. В это время выходит на верхнюю террасу Надежда Никандровна – это жена Ивана Федоровича Фомичева, сына как раз Федора Афанасьевича, и приглашает ее наверх. Говорит: «Заходите, заходите, давайте познакомимся. Дочки поиграютя одни. Вы заходите, пожалуйста». Ну, конечно, она за-

шла, и девчонки тоже бросили лодыжки, тоже за ней зашли. И что бросилось ей в глаза, в глаза бросилась ей, конечно, рояль. Она тут же: «Разрешите поиграть». Села и с таким удовольствием играла разные вещи наизусть, посмотрела ноты, какие есть. Попросила сыграть Надежду Никандровну, та тоже очень хорошо играла, играла прямо с листа. «У меня есть журнал «Нувелист», который выходит несколько раз в году. ... Давайте-ка, я принесу эти журналы, приглашу своего учителя, а вы – мужа, и мы посидим за чайком, и мы поиграем им эти ноты». Так они и договорились. На другой день, значит, произошло знакомство той и другой семьи. Обе семьи были молодые... Играла они очень хорошо и нашли массу интересов, потому что бабушка знала несколько языков: французский, немецкий, хорошо играла на рояли, знала рукоделия разные, в общем была очень культурная. Ее хорошо воспитали там, в Вичуге. И Софья Петровна в довершение ко всему очень хорошо рисовала. Она приехала в Плес как ученица Исаака Ильича Левитана. И он исправлял ее ошибки, указывал, как надо рисовать...

На следующий день они уже собрались парами. Девчонок отправили гулять, чтобы их не развлекали»⁷. «...Софья Петровна пришла с громадной сумкой и сказала девочкам: «А сегодня я вам принесла другую игру». Вынула из сумки громадные шоколадные бомбы. Они уже имели знакомство с ними, но те были маленькие такие, и внутри их были маленькие игрушки, а эти – громадные. И когда их разлили, то в них уже была куча игрушек маленьких-маленьких: и стулики, и столики, и ослики, и куколки, и посуда, и елочка, и чего только не было... и крючок, специальный металлический крючок, чтобы таскать эти игрушки. И нужно было эту кучу, ту, что высыпали, нужно было, как можно больше, по очереди таскать игрушек, но нельзя было тащить игрушки, если пошевелишь соседнюю игрушку. Все, уже ход передается другому человеку. И эта игра называлась «бирюльки». Так Софья Петровна научила девчонок играть в бирюльки»⁸.

«И оказалось, что у них много общих интересов и у женщин, и у мужчин. Оказывается, Левитан был страстный охотник, а Иван Федорович был по Плесу, пожалуй, что самый главный охотник. У него были ружья всех систем, у него было много собак, на той стороне это все было. И они уже стали сговариваться, что «вместе будем охотиться. Скоро полетит перелетная дичь, и будем на перелетную дичь ходить на охоту, и вообще будем ходить на охоту». А можно было на лодке переехать, и перевоз ходил. Так что связь была с той стороной. И стали бывать там, на той стороне, в гостях, и на охоту ходили. А на той стороне в это время как раз вел раскопки Нефедов, археолог. Причем, очень интересные раскопки, не первый год уже. Он нашел там курганы и разрывал курганы. И через несколько дней, как уговорились, они – на лошадях, взяли девчонок, и все поехали на эти курганы. Они были в нескольких километрах туда, в гору. Нефедов показывал, чего нашел, рассказывал о раскопках, и все это было, конечно, очень интересно. И обратно тоже возвращались на лошадях»⁹. Переpravлялись вместе с лошадьми на паромной переправе¹⁰.

Г.Е.Лебедева считает, что это событие случилось в первый год приезда Левитана в Плес. Такая датировка знакомства с Нефедовым внушает некоторые сомнения, так как у нас нет сведений о том, что он проводил раскопки в окрестностях Плеса в 1888 или 1889 годах. Зато достоверно известно, что непреходящий член Императорского Общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии Филипп Диомидович Нефедов производил раскопки курганов в Костромской губернии в 1895-96 гг. На левом берегу Волги он работал, в частности, у д. Горесловка (Греславка) и под деревней Сторожево. В его экспедиции принимала участие Софья Петровна Кувшинникова, которая как художница зарисовывала найденные в курганах предметы ¹¹. Возможно, рассказ Александры Ивановны Лебедевой, донесенный до нас ее дочерью, повествует не о поездке Левитана и Кувшинниковой к Нефедову, а о поездке семьи Фомичевых к Софье Петровне Кувшинниковой, работавшей у Нефедова.

На левом берегу Волги напротив дома Подгорнова-Грошева располагалась усадьба Ильинка, отобранная в свое время Федором Афанасьевичем у одного из должников и подаренная им его сыну Ивану Федоровичу. Усадьба состояла из большого вытянутого дома, собственно усадебного, и летнего дома меньших размеров, который называли «беседкой», разделенных березовой аллеей ¹². В этой усадьбе Исаак Ильич Левитан и Софья Петровна Кувшинникова стали частыми гостями.

Небольшое, но интересное описание Ильинки и ее владельцев мы находим в воспоминаниях Екатерины Григорьевны Скачковой 1908 г.р., в детстве жившей рядом: «Дом Фомичёвых был нескладным, длинным, с верандой. Иван Федорович был славным человеком. Я и Капитолина девочками ходили к Фомичевым собирать ягоды. У него был большой сад, много яблонь. Иван Федорович говорил нам: «Я все равно узнаю, сколько вы ягод съели!». Мы удивлялись, как же он узнает.

Иван Федорович был небольшого роста, в усадьбе жил один. Жена его – Надежда Никандровна – жила в основном в Плесе в двухэтажном доме (ныне ул. Кропоткина, 19). Надежда Никандровна была высокая, красивая» ¹³.

Г.Е.Лебедева со слов мамы вспоминает, как проходили охоты с московскими друзьями: «На охоту ездили верхом. Софья Петровна – тоже. Для нее нашли дамское седло, она тоже ездила с ними, и тоже с ружьем. Уж не знаю, что убивали, но приезжали с дичью, конечно. А потом устраивали тут жаркое из дичи и кушали. Ребят в это время отправляли... и когда гости были, девчонки были на этой стороне. Нечего им там делать было» ¹⁴.

Видимо, сразу же после того, как завязалась дружба с Фомичевыми, Софья Петровна подарила Надежде Никандровне свою фотографию с надписью «Надежде Федоровне Фомичевой. С. Кувшинникова». Эта фотография и сейчас хранится в семейном архиве. Интересно, что Кувшинникова явно перепутала отчество Надежды Никандровны. Наряду с тем, что она сама под-

писалась, указав только свое имя, можно предположить, что и Надежду Никандровну она звала только по имени и поэтому не помнила ее отчество.

В 1889 году Софья Петровна приехала к Фомичевым с подарками. Надежде Никандровне она привезла ковер, который до сих пор хранится у ее внучки. По семейным рассказам, Софья Петровна и Надежда Никандровна решили сделать салон для приема гостей из двух комнат усадебного дома в Ильинке. Г.Е. Лебедева вспоминает: «И она все привезла для этого салона и сделала план, что должно тут стоять. Причем, по ее плану... она сделала такие тахты по двум стенам под прямым углом. Четыре кушетки она в две тахты сделала. Причем она сама нанимала плотников, и они все это делали. Сама привезла ткань для обшива этих тахт. В этой комнатке стоял ломберный столик для игроков, потому что мужчины тогда играли в винт, женщины играли в преферанс, джокер и преферанс. Ну, женщины больше болтали..., а мужчины ночи просиживали за винтом. А вторая комната выходила как раз... на веранду. Большие двери стеклянные – на веранду, окна на веранду выходили. Она ...привезла с собой шторный материал, делала сама шторы... не сама, а указывала как делать портнихе шторы, привезла кисти для этих штор. Занавеси сама кроила и помогала, в общем, оборудовала всю ту комнату»¹⁵. В той комнате стояла в углу тахта, мягкая мебель и две тумбочки. Тумбочки круглые: одна – мраморная – поменьше, на ней был серебряный кувшин с подставочкой, и другая – побольше с иностранными художественными журналами. Г.Е. Лебедева продолжает: «Это тоже все ее подарок был, Кувшинниковой. И, я думаю, что она привезла, потому что на французском языке, наверное, никто бы эту книгу не купил, – «Потерянный и возвращенный рай». Данте, по-моему, автор-то. В тисненном золотом переплете, на французском языке...»¹⁶ К сожалению, усадебный дом вместе с сохранившейся мебелью и книгами сгорел в 1980-е годы, совсем недавно.

Дружба продолжалась еще долгие годы, вели переписку, но вся она была утеряна во время переезда семьи Лебедевых из квартиры при плесской городской больнице в их личный дом¹⁷. Галина Евгеньевна сообщает: «Так два года шла дружба. После этого больше уже Левитан не приезжал. А на другой год случился пожар на этой улице. От лампадки в угловом доме занялась занавеска, и сгорело все. Сгорел этот дом новый [Имеется ввиду дом на ул. Кропоткина, д. 11. – от автора], правда, сундуки вытащили. Девчонок всех посадили на сундуки и наказали: «Берегите сундуки!» И вот они весь пожар сидели на сундуках. Дом был застрахован, наверное, домов у Фомичевых было много. Фомичевы сразу переехали в дом на площади. А еще до пожара Ильинку, вот эту усадьбу, отец подарил сыну, Ивану, и сын переехал со своей семьей туда...»¹⁸ Тут Галина Евгеньевна явно путается в датах и событиях. Во-первых, нам известно, что Левитан был в Плесе не два, а три раза, в последний раз – в 1890 году. Во-вторых, большой пожар, в котором сгорел родовой дом Фомичевых, случился не в 1890 или 1891 годах, а, вероятно, 11 августа 1898 года¹⁹. В этом пожаре пострадало очень много зареченских домов. Та же Галина Евге-

ньевна вспоминала рассказы мамы о том, как со второго этажа друзья семьи – художники – спускали на веревках фортепьяно, спасая его от пожара, не удержали тяжелый инструмент и уронили, отчего на его крышке образовалась трещина. Как раз в 1898 году в Плесе до 24 августа работала большая компания художников – В.В. Переплетчиков, С.А. Виноградов, А.М. Корин и скульптор Волнухин²⁰. Возможно, именно они и спасали имущество семьи Фомичевых. Сгоревший дом Ф.А. Фомичевым, видимо, был позднее продан, по крайней мере на 1914 год в «Списке всех дворовых и усадебных мест в гор. Плесе Нерехтского уезда» из владений Фомичевых на Никольской улице указан только дом Надежды Никандровны (ныне ул. Кропоткина, д. 19)²¹.

Семья Фомичевых продолжала поддерживать отношения с Софьей Петровной Кувшинниковой. Г. Е. Лебедева сообщает: «От Софьи Петровны приходили письма, но не часто. Она из Плеса взяла прислугу себе... Фрося, по-моему, ее звали. Сначала там было все хорошо у нее с Левитаном, а потом Левитан, можно сказать, от нее отошел, и она осталась одна. Причем ее родственники, она была из очень богатой семьи, такой патриархальной, ее родственники не могли ей простить ее связи с Левитаном, потому что он был еврей, они этого не признавали. И когда она осталась одна, без средств существования, они ей совершенно ничем не помогали. И она умерла в страшной нищете, одна... Вот эта самая прислуга Фрося ее еще навещала. И вот об этом самом приехала Фрося и рассказала маме»²².

Довольно трагически окончилась и жизнь Ивана Федоровича Фомичева. По словам Г.Е. Лебедевой, после революции, году в 1917-18-ом, его предупредили о том, что будут конфисковывать оружие, а у него была очень большая коллекция охотничьих ружей разных марок. «И он всю ночь прятал ружья, куда только мог, так что в земле еще может быть много оружия. Всю ночь прятал ружья, а наутро – крупозное воспаление легких и смерть...»²³

Одно из последних известных нам сведений о Надежде Никандровне Фомичевой датировано январем-февралем 1919 года. Тогда путем сложной бюрократической переписки решался вопрос о вывозе рояля из усадьбы Ильинка в Плес и оставлении его во временном пользовании «т. Фомичевой-Лебедевой в виду того, что мать т. Фомичевой дает уроки, что является единственным заработком к ее существованию»²⁴.

¹ Воспоминания Г.Е. Лебедевой 1919 г.р. (г. Плес, ул. Корнилова, д. 15), записанные 30.01.2007 О.В. Наседкиной и Г.В. Панченко. АИО ПГИАХМЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87. Л.1.

² По прошению Плеской купечкой вдовы Авдотьи Фомичевой о рассмотрении фасада на постройку дома в городе Плесе. ГАКО. Ф.176. Оп.1. Д.900.

³ Воспоминания Г.Е. Лебедевой 1919 г.р. (г. Плес, ул. Корнилова, д. 15), записанные 30.01.2007 О.В. Наседкиной и Г.В. Панченко. АИО ПГИАХМЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д.87. Л.1.

⁴ Экономку звали Анна Васильевна.

⁵ Фортепьяно куплено А. Алпатовым.

-
- ⁶ Воспоминания Г.Е. Лебедевой 1919 г.р. (г. Плес, ул. Корнилова, д. 15), записанные 30.01.2007 О.В. Наседкиной и Г.В. Панченко. АИО ПГИАХМЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д.87. Л.1-2.
- ⁷ Там же. Л.2-3.
- ⁸ Там же. Л. 5.
- ⁹ Там же. Л.2-3.
- ¹⁰ Там же. Л. 3.
- ¹¹ Нефедов Ф.Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 г.// Материалы по археологии восточных губерний. М. 1899. Т. III. С.225-226.; Копия дела Императорской Археологической Комиссии по истребованию от Костромского Губернатора сведений о раскопках в губернии г. Нефедова. АИО ПГИАХМЗ. Ф. 3. Оп.1. Д. 2.
- ¹² Воспоминания Г.Е. Лебедевой 1919 г.р. (г. Плес, ул. Корнилова, д. 15) записанные 30.01.2007 О.В. Наседкиной и Г.В. Панченко. АИО ПГИАХМЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87. Л. 6.
- ¹³ Воспоминания Е.Г. Скачковой, 1908 г.р., проживающей по адресу: г. Плес, ул. Лесная, д.24, кв. 20), записанные с ее слов 17.08.2005 Полоцкой Е.Н.. АИО ПГИАХМЗ. Ф.3. Оп.1. Д.77. Л. 2.
- ¹⁴ Воспоминания Г.Е. Лебедевой 1919 г.р. (г. Плес, ул. Корнилова, д. 15) записанные 30.01.2007 О.В. Наседкиной и Г.В. Панченко. АИО ПГИАХМЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87. Л.4.
- ¹⁵ Там же. Л. 3.
- ¹⁶ Там же. Л. 3.
- ¹⁷ Там же. Л. 4.
- ¹⁸ Там же. Л. 4.
- ¹⁹ ГАКО. Ф.200. Оп.2. Д.2525.
- ²⁰ Васильева Л.М. Художники круга Левитана в Плесе// Тезисы докладов обл. научно-практ. конференции «Проблемы изучения и заповедания Плеса». Плес. 1988. С. 74-76.
- ²¹ Список всех дворовых и усадебных мест в гор. Плесе Нерехтского уезда. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12522.
- ²² Воспоминания Г.Е. Лебедевой 1919 г.р. (г. Плес, ул. Корнилова, д. 15), записанные 30.01.2007 О.В. Наседкиной и Г.В. Панченко. АИО ПГИАХМЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87. Л. 4.
- ²³ Там же. Л. 7.
- ²⁴ Письма из Ивановского губнаробраза. Январь-февраль 1919 г. ГАИО. Ф. 972. Оп. 1. Д. 24. Л. 32-33.